

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Юрий ЧЕРНОВ: «Где чернила и кровь пополам...»

Юрий Михайлович Чернов — один из старейших писателей Подмосквья. Автор многих книг стихов, прозы, публицистики, произведений для детей. Автор исторических повестей, переведённых на двенадцать языков и выдержавших несколько переизданий. Член Союза писателей с середины пятидесятых годов прошлого столетия. Почётный гражданин города Дмитрова. Ветеран Великой Отечественной войны. На фронт ушёл добровольцем, встретив своё совершеннолетие в окопах Сталинграда; завершил войну в Восточной Пруссии. Награждён боевыми орденами и медалями.

Одну из его книг стихов и прозы о войне — «Я в окопе побрился впервые» — предвывает предисловие губернатора Московской области Героя Советского Союза Бориса Громова, в котором он пишет: «Трижды раненный, переживший суровый драматизм боёв на Орловско-Курской дуге, наступление в Белоруссии, Прибалтике, Польше, штурм Кёнигсберга, писатель получил выстраданное право говорить от имени своего поколения».

— Юрий Михайлович, когда началась война, вы были школьником-девятнадцатиклассником. Что помните вам о первых месяцах войны?

— Война застала нашу семью в Одессе. Перед войной была очень популярна песня — «...И на вражеской земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». К сожалению, всё получилось по-другому. Летом 1941-го Одесса оказалась в кольце блокады. Воду выдавали по карточкам. Десятки тысяч горожан спасались от бомбёжек в катакомбах. Выбраться из блокадного города можно было только морем. Путь был опасен. Эвакуировали женщин, детей, стариков. Я с матерью и младшим братом попал на теплоход. Формировался караван из пяти-семи судов, охраняемый несколькими эсминцами. Разыгрался сильный шторм, но мы, мальчишки, забралась на верхнюю палубу. Стояла тёмная черноморская ночь. На подступах к Севастополю нас атаковали фашистские подводные лодки. Торпеды попали в судно, шедшее за нашим теплоходом. Ночь озарила огнями взрывов. Около двух тысяч женщин и детей оказались во мраке бушующего моря. Многие погибли, иных спасли: дети — без матерей, матери лишились детей... Страшная ночь. Я впервые увидел кровавое лицо войны...

— Из вашей биографии мы знаем, что своё совершеннолетие вы встретили в окопах Сталинграда. Как получилось, что вы оказались именно там, где, может быть, решалась судьба войны?

— Вы правы — именно там... И получилось это так. Мои ровесники, прочитавшие о подвиге Зои Космодемьянской, о мужестве 28 героев-панфиловцев, рвались на фронт, писали заявления в разные инстанции. Нам отвечали: ждите своего восемнадцатилетия. Но мне повезло: меня направили в Серпуховское авиационное училище, эвакуированное из Подмосквья в Кзыл-Орду. Правда, лётчиком я не стал. В училище объявили призыв Верховного командования: все на защиту Сталинграда! И я с большой группой курсантов был в числе тех, кто отправился защищать волжскую твердыню. О Сталинградской битвы, конечно, все знают по книгам, фильмам, рассказам ветеранов. Это было сражение, не знавшее аналогов в мировой истории. Я служил в полку 120-миллиметровых гаубиц. Дни и ночи, недели и месяцы слились — шли жесточайшие непрерывные бои. В октябре 1942-го я был тяжело ранен. О грандиозной победе под Сталинградом узнал в госпитале.

— В одном из ваших стихотворений есть такие строки: «На дне окопа сердце колошмилось, / Окоп, гремя, утюжила броня. / Земля не подвела, не расступилась, / Она снала от ибелли меня». Когда я перечитываю эти строки, мне представляется, что они связаны с каким-то конкретным эпизодом...

— То, что довелось мне испытать на Орловско-Курской дуге, эпизодом не назовёшь. Я — автоматчик 1-й Московской протарской дивизии — был со своими однопольчанами в траншее переднего края. Нас предупредили: фашистские танки могут прорваться к нашим траншеям. Но боёц, который лёг на дно окопа, для танка неуязвим. Главное — отсечь пехоту, а гитлеровских «тигров» в глубине обороны уничтожат артиллерия. Строка — «на дне окопа сердце колошмилось» — не преувеличение. Когда танк ёрзал над траншеей, мне на спину упало несколько комков земли. Думал: всё, погребён. Но танки ушли, мы поднялись и приближающуюся вражью пехоту встретили залпами огня. У меня, черноволосого, девятнадцатилетнего, тогда поседели виски...

— Юрий Михайлович, я знаю, что стихи вы писали ещё в школьные годы. Перед войной они публиковались в коллективном сборнике «Юность поёт», а дочка Марины Цветаевой Ариадна даже перевела ваше стихотворение «Красная армия» на французский и напечатала в журнале «Ревю де Москву». В действующей армии, в типографии армейской газеты «Боевая тревога», была издана ваша поэма «Русский солдат». Расскажите о ней подробнее.

— Летом 1944 года мы прорвали Оршанскую оборону гитлеровцев. Началось освобождение Белоруссии. Я с пятью однопольчанами ворвался в блиндаж генерала Траута, командовавшего обороной под Оршей, и увидел в блиндаже распятого на

Ю. Чернов в поверженном Кенигсберге. 1945 г.

стене солдата: в руки, в ноги и в голову были вбиты огромные гвозди. Бежавшие в панике гитлеровцы оставили на столе протокол допроса и документы солдата. Это был Юрий Смирнов, мой однопольчанин, накануне ночью участвовавший в танковом десанте. Будучи раненным, он свалился с танка, был пленён, подвергся на допросе мучительным истязаниям, но не выдал тайну: куда и с какой целью устремился десант. Я был потрясён увиденным. И все дни белорусского наступления писал поэму о Юрии. Главы по мере готовности печатались в дивизионной газете, потом под редакцией Александра Твардовского поэму опубликовала газета 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», и, наконец, по решению Военного совета её издали отдельной книгой. Узнал я об этом в госпитале, где оказался после второго ранения. С той поры я веду отчёт своей литературной работы.

— Сейчас на Западе, да и не только там, объявились охотники переписать и фальсифицировать историю, сделать лакеев фашистских палачей типа Бандеры героями. Как отразился интернациональный характер борьбы против фашизма в ваших произведениях?

— Насколько это мне удалось, судить читателям, для меня же интернациональная тема священна. Ион Сольтыс — молдаванин, Герой Советского Союза, мой однопольчанин — ему посвящена моя поэма.

Французский лётчик из эскадрильи «Нормандия-Неман» в полевом госпитале лежал со мной в одной палате. В стихах о нём нет ни вымысла, ни домысла, я послал ему в Париж стихотворение-обращение: «Откликнись, где ты, Франсуа, / Французский побратим». Польская девушка Тереза, описанная мной, надеюсь, жива. Авось ещё встретимся. Своего рода гимн интернационализму в моём стихотворении «Братская могила»:

Этот холм — роковой и последний их кров,
И смеялась с землёю их братская кровь.
Сосны глухо шумят.
Дыхла мирного стук.
Как тогда — в сорок пятом — белёсый туман.
Здесь Иосиф Гифтейн и Петро Иванчук,
Митрофанов Степан и Аиот Аюкян.

— У меня на столе — «Антология калининградской поэзии». В предисловии сказано, что «автор торжественно проникновенных слов, ещё в 1945 году высеченных на стене в память 1200 павших гвардейцев, — Ю.М. Чернов». И далее: «Завершает книгу стихи Юрия Чернова, ставшего легендой городов». Лестные слова!

— Да, слова лестные, но я пока что, слава богу, не легенда, а живой человек. Грандиозный мемориал возводился в 1945 году случайно — кровью наших людей мы подтвердили право на самом западном рубеже страны закрепить нашу Победу. На 150-метровой гранитной стене мне выпала честь выразить в стихах нашу дань сложившимся головам при штурме Кёнигсберга. Маршал Советского Союза Баграмян назвал эту работу «каменной книгой».

— Юрий Михайлович, недавно Дмитровская централизованная межселенческая библиотека издала биобиблиографический справочник; в нём указаны десятки ваших книжных изданий, опубликованных в нашей стране и за рубежом, упомянуты более двухсот рецензий на ваши книги. Более сорока лет вы — член редколлегии всероссийского альманаха «Истоки», где консультируете молодых авторов и редактируете их произведения. Вы — постоянный член жюри многих литературных конкурсов, инициатор «поэтических десантов» — встреч писателей и молодых авторов с читателями, нет ни одного литературного или значимого культурного мероприятия в Дмитровском районе, где бы вы не были его участником. Как вам удаётся совмещать творчество с такой активной общественной деятельностью?

— Конечно, самые счастливые минуты моей жизни протекают за рабочим столом. Однако не укрываюсь от того, что, по Маяковскому (цитирую по памяти), «в нашей буче — боевой кипучей» участвовать необходимо. Я не праздный гость в литературном клубе «Каравелла», в клубе творческой интеллигенции «Братина», часто выступаю в школах, клубах, библиотеках Дмитровского края, тепло был принят на холодных островах архипелага Северная Земля, в Норильске, в Перми, в Сванетии, на Украине и в Беларуси. Не так давно по инициативе германского посольства встречался с журналистами ФРГ, благо в Берлине на немецком языке была издана моя повесть «Судьба высокая Аврора». Журналистов заинтересовали подробности пребывания на крейсере «Аврора» вождя немецких трудящихся Эрнста Тельмана. Много душевных сил отдаю я жизни народного музея «Строка, оборванная пулей», носящего имя моей дочери. Вот уже тридцать лет музей ведёт поиск по судьбам поэтов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Музей уникален... При подготовке каждой экспедиции я — неизменный советчик.

— Не могу не коснуться проблем экономических. Рынок пришёл и в книжную отрасль. Появилось много частных издательств, готовых за деньги издать что угодно. Катастрофически снизилась тиражи. Без помощи властей писатель зачастую не может издать книгу, лиричную сексуально-детективную «примамку». В некоторых регионах люди, по-настоящему творческие, чувствуют себя сиротами...

— В Дмитровском районе такого сиротства, к счастью, нет. Я на себе ощутил помощь властей. Несколько моих книг вышли при поддержке администрации района. Когда в Москве были изданы мои исторические повести, глава района В.В. Гаврилов как-то в беседе предложил мне «окунуться» в ХІІ век и поработать над повестью об основателе Москвы и Дмитрова — великом князе Юрии Долгоруком, обещав всяческое содействие и слово своё сдержал. Издание моей художественно-публицистической книги «Мой Дмитров» не только финансировал, но и собрал совет всех участников её издания, от которых зависело качество книги. «Мой Дмитров» вышел тридцатитысячным тиражом, что в наше время не так уж плохо. Ещё один показательный пример: в год разразившегося мирового финансового кризиса В.В. Гавриловым учреждается ежегодная премия главы Дмитровского муниципального района «Признание» в сфере культуры, литературы и искусства в четырёх номинациях...

— ...И как справедливо, что первым её лауреатом стал писатель-фронтовик Юрий Михайлович Чернов! Вы предложили озаглавить нашу беседу своей строкой «...где чернила и кровь пополам». Мне кажется, что это название нуждается в расшифровке.

— После второго ранения в 1944-м меня отозвали из стрелкового полка и назначили корреспондентом армейской газеты «Боевая тревога». Военный корреспондент — профессия опасная. Третье — тяжёлое ранение в Восточной Пруссии — я получил, будучи корреспондентом. Контузии вывели из строя несколько моих собратьев по перу. Двое наших товарищей — Леонид Гончаров и Иван Фёдоров — погибли на переправе через Неман. Вот тогда и родилось у меня стихотворение, заканчивающееся словами: «Эх, газета моя фронтовая, / Где чернила и кровь пополам».

— Последний — традиционный вопрос: над чем вы работаете сейчас, каковы планы на будущее?

— Загадывать на будущее не решаюсь — как-никак я «подпользо» к девяностолетию, хотя планов немало. Недавно вышел в свет однотомник стихов. Сейчас закончил комплектацию большого книги эссе-воспоминаний о встречах с писателями и художниками — около пятидесяти литературных портретов. Среди них писатели-фронтовики Александр Твардовский, Илья Эренбург, Аркадий Гайдар, Константин Симонов, Семён Гуденко, Василь Быков, Евгений Винокуров, Давид Дар, Владимир Осинин...

Совсем недавно мои земляки в торжественной обстановке открыли стелу, посвящённую присвоению нашему любимому Дмитрову почётного звания «город воинской славы». Я видел взволнованные лица ветеранов и понял: бойцы вспоминают минувшие дни. И я погрузился в архивы Дмитровского военкомата. В руках оказались желтневшие листки похоронок. Я перебирал их и заметил, что руки мои подрагивают, словно я прикасаюсь к неостывшим телам погибших...

Сейчас склоняюсь над рукописью. Что напишется — вынесу на суд читателя. Нашу беседу позволите закончить строчками из моего стихотворения «Биография»:

Мы сняли смерть, неукротимы,
Не скажут нам: кишка тонка,
И биографии свои мы
Чертил острём штыка.

Беседу вела Нелли ПЕТРОВА,
ДМИТРОВ

Юрий ЧЕРНОВ

***

Я рифмовал в четвёртом, в школе,
Но слов припомнить не могу.
Мой первый стих родился в поле
На окровавленном снегу.

Была земля седа от дыма,
Тел развороченный блиндаж.
Пришли слова неотвратимо,
И я нацупал карандаш...

Я с той зимы всегда в дороге,
Она крута и высока.
По ней сперва проходят ноги,
Потом приходит и строка.

***

Я в окопе побрился впервые.
В час, когда прожогот девчат,
Я встречал лишь рассветы стальные
И слышал, как «пантеры» рычат.

Я тебе не писал на привале,
О тебе я не знал до поры.
И меня только ветры ласкали,
Согревали лесные костры.

***

Трудней всего — подняться под огнём,
Оставить за спиной броню траншеи.
Что может быть отчаянней, страшнее,
Чем в ползый рост подняться под огнём?

А дальше — леденящее «ура»,
Холодное бесстрашие порою.
И только смерть бывает молчалива.
Мы живы, если катится «ура».

И вот — в чужих окопах мы уже,
Где стою тоинотворный запах дуста,
Но на душе не радостно, а пусто, —
Как мало нас на новом рубеже.

О, сколько там осталось, на снегу!
Чадят в чужих окопах самофутки.
Мы на войне всего вторые сутки.
О, сколько там осталось, на снегу...

Окоп сорок первого года

Окоп сорок первого года.
О, где эта звонкая медь,
Чтоб подвиг стрелкового взвода,
Стойавшего насмерть, востечь?!
Случайно ль среди тихого леса,
В местах неподвижно-глухих,
Так ржавого много железа,
Так мало деревьев живых?
Я снова в той роце осенней,
В заросших воронках — вода,
И сердце недовольно волненье,
И вижу я всё, как тогда:
Ползущие медленно танки
Сминают осины броней,
И вдруг полькнуло!
— Вот так их! —
Кричит старшина Лозневой.
— Вот так их!
А танки всё ближе
И слыи берёзку вон ту,
И я уже свастикку вижу,
И привкус металла во рту.
И сердце тоскливо зануло,
Но я в нарастающий гул
С невиданно-лютою силой,
Качнувшись, гранату метнул.
Вот так их! Разрывы, разрывы,
Свирепая пляска огня.
И объма косматые грибы,
И смерть, что ползёт на меня.
Я помню: плечо моё тронуло,
Как будто прощались со мной,
На бруствер

вскочил Стиридионов,
Рванулся к громаде стальной...
Окоп сорок первого года,
Рубеж подмосковной земли.
Нас восемь осталось от взвода.
Нас восемь... К тебе мы пришли.
Осеннее небо так низко,
В заросших воронках — вода.
И стал Лозневой обелискам,
Смеялась с землёй навсегда.
С ним рядом,
в земле, Стиридионов.
Незыблем
их вечный покой,
И послевоенные
клены
Склонились
над их головой.

Тереза

После жаркой перепалки,
После ночи штурмовой
Батальон вошёл в Сувадку,
Оглушённые пальбой.

Отдыхать бы после дела —
Завтрак, сон да сеновал.
Но в груди моей гудело:
Я Терезу увидел.
«Не терять минут напрасно!» —
Это заповедь моя.
Лёгкой бритвой безопасной
Скрёб опасно щёчки я.
В польском даме на постое,
Будто я в родном дому.
На столе — вино густое
И личница к нему.
И глаза хозяйской дочки
Обжигают синевой.
Эх, сады, сады, садочки
Пахнут сыростью хмельной.
По мосткам проходим скользким,
Провозжат идём зарю.

Говорит она по-польски,
Я по-русски говорю.
После смерти и железа,
После крови и огня
Синеглазая Тереза
Вдоль села вела меня.
Не скажу ни слова больше.
Сколько долгих лет прошло...
Но как только вспомню Пальшу —
На душе тепло, тепло.

Старая фотография

Посмотрите, я из юности шагнул.
Посмотрите, я чертовски молодой.
Надо мною «мессершмиттов» рёв и гул.
Мой блиндаж подмыло ржавою водой.

Посмотрите, разве много — двадцать лет.
Помозуйте, разве мало — семь атак.
Майским ливнем смыло мой кровавый след,
Муравой-травой зарос тот бугорак...

Три нашивки золотые на груди.
Трёх ранений затвердевших три рубца.
Три державы, что прошёл я, позади,
И полгода — до победного конца.

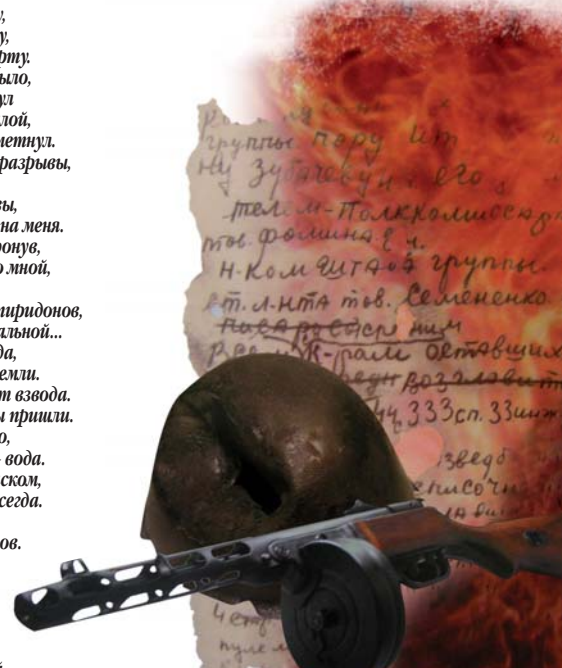
Писал фельдмаршал мемуары...

Фельдмаршал вермахта Эрих фон Манштейн назвал свои мемуары «Утраченные победы»

Уже надломленный и старый,
Фельдмаршал сел за мемуары.
И в Иршенхаузене он
В воспоминанья погрузён.
Большой, печальный, одинокий,
Вдруг вспомнил летний день далёкий
И улыбнулся...
Его улыбка означала,
Что вспомнил он в тот миг начало:
Прорыв, победный танков гул,
Азарт и ярость наступленья
И хмель июньского везенья...
Но вот фельдмаршал помрачнел,
Как будто бы увидел рядом
Ряды кровавых, мёрзлых тел
В глухой степи под Сталинградом;
Как будто бы увидел вновь
Парад берёзовых крестов
От Подмосквья до Берлина...

Той сокрушительной весной
Настал, настал он — час расплаты,
И были русскою броней
Все планы фюрера расплаты...

Прошло с тех пор немало лет.
Собственный, немощный и старый,
Про боль «утраченных побед»
Писал фельдмаршал мемуары.

Уходим в ночь

Уходим в ночь, ещё не зная,
Что, может, завтра поутру,
Снег потемневший приминая,
Не все вернёмся мы к костру.

Не все махорку мы получили
И похлебали княженок.
И старшина, пройдя как туша,
Раздаст оставшийся паёк.

***

Ночь сошла на спящую планету,
Полог неба звёздочка прожгла.
На Саянах, на Курилах где-то
Часового в роце скрывает мгла.

Шелест листьев. Скрип тяжёлых веток.
Метеор мелькнул над головой.
Межконтинентальная ракета
Чутко спит, умытая росой.